

М. Семевский

Царица Просковья

1664-1723

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Семевский**
Царица Просковья: 1664-1723 / М. Семевский – М.: Книга по Требованию,
2018. – 689 с.

ISBN 978-5-458-06949-6

Царица Просковья 1664-1723.

ISBN 978-5-458-06949-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

густыми косами ниспадали на круглыя плечи; круглый подбородокъ, лмки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень милостивую.

Свадьба совершена была со всѣми церемоніями, которыми обыкновенно сопровождались подобныя торжества.

8 января 1684 года, наканунѣ вѣнчанія, былъ у царя столъ для боярѣ, боярынь, родственниковъ и свойственниковъ отца и невѣсты. Иванъ съ Прасковьей сидѣли за особымъ столомъ. Царскій духовникъ, протопопъ, благословивъ жениха и невѣсту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни подыли съ поздравленіями; послѣ стола невѣста отпущена домой, и гости разъѣхались.

9 Января 1684 года, въ среду, Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебенъ; на гробахъ державныхъ предковъ отправилъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у Патріарха благословенія на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончились приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые посвящены были въ глазахъ дѣйствующихъ лицъ давностью лѣтъ и вѣковыми употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были нечто иное, какъ выполненіе пустой формальности; такъ напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчавшаго ихъ патріарха: «. . . у мужа будь въ послушаніи, другъ на друга не гнѣвайтесь, покорно выноси гнѣвъ супруга, если онъ за какую нибудь вину поучитъ тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ, и проч.» Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава, на сколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родныхъ и наконецъ высоко ставилъ ее самое надъ остальными боярынями и боярышнями.

Обрядъ вѣнчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, а съ пришествіемъ государя въ соборъ во всѣ колокола, и не умолкалъ до молебна (1).

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проводя царя и царицу въ опочивальню, усѣлись за столъ, выжидая часъ

(1) Древн. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 196, 197.

боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось...

«А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царичѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку вѣчно было сохранять постельничему... А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жоны, и осматривали ея сорочку, а осмотра сорочку, показали сродственнымъ жонамъ немногимъ для того, что ся дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицину, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохранили въ тайное мѣсто» и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по наружности, было «въ добромъ совершеніи» и вся родня новой царицы ликовали въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, блинъ въ литавры, и пымали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была иллюминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхожденіе Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоголовы, Шестовы и друг.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важныя роли на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщахъ; многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближенными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ оборонялъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ — окольникимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ его, Михаилъ — кравчимъ, окольникимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, по прозванью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутахъ при Лжедмитріѣ, былъ главнымъ подвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Осдоръ Михайловичъ, выстроилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близъ Доро-

гобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инока съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола (ум. въ 1655 году); братъ его Петръ былъ дѣдомъ царицы Прасковьи, отецъ которой Александръ при царѣ Алексѣѣ, съ завосаніемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьей Алексѣевной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева (1). Счастливыи родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ переимѣнить имя: вмѣсто Александра онъ наименованъ Федоромъ (2), въротно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Федоровной родился сынъ Василій Федоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Федоровны. Второю женою ихъ родителя была — Анна Михайловна Татищева (ум. 1702 года) (3). Шесть Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населенными имѣніями.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также роднаго и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и друг. Родная сестра ея Настасья вышла въпослѣдствіи за-мужъ за знаменитаго князя-кесаря Ивана Федоровича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почота, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объясняется многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

(1) *Н. Закревскій*: Лѣт. и оп. гор. Кіева. Чт. Об. Ист. 1858, т. II, с. 245.

(2) *Дневникъ Гордона*.

(3) *Кн. П. В. Долгорукій*: Рос. Род. кн. 1855, ч. II, с. 68—83.

Много говорить о воспитаніи Прасковьи намъ не приходится; то не было воспитанію, а питанію: ее выкормили полною, статною, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длиною косою; затѣмъ выучили довольно плохо русской грамотѣ (она и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, не была мастерица писать); остальное же довершили семейныя преданія и обычаи. Она выросла въ предрасудкахъ и суевѣріи; вѣрила колдунамъ, чудосамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла пустые обряды, но внималъ въ ихъ сущность и значеніе.

Для по стопамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторыя изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками, — и вотъ Прасковья очень чтитъ духовенство, дружилась съ монахами, всла переняску съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздила къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ за-мужъ жизнь ея пошла обычной колесей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню ищей братьи и колодникамъ ⁽¹⁾.

Жила она съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ покояхъ, гдѣ посѣщали ее время отъ времени боярыни, ближніе люди и многочисленная родня.

«И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, повѣстуетъ Когошихинъ, царь и царица опочиваютъ въ покояхъ порознь; а когда случится быти опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь посылаетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваютъ вмѣстѣ, и на утро ходятъ въ мыльню порознь, и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...»

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей, какъ и ожидала Софья, не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ рассказывала: «при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животь съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и изошло...» ⁽²⁾.

Однакожъ въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстно, что царица Прасковья «очренатѣла». Немощный царь былъ счастливъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе интригъ и козней прави-

⁽¹⁾ Др. Рос. Вивліюф. изд. 2, т. XI, с. 177, 178, 179, 331, 332. — Дворц. разряды т. IV, с. 842 и друг.

⁽²⁾ Госуд. Арх. карт. 7, писм. ц. Прасковьи 1719 г., л. 12,

тельницы. Проникая въ ея замыслы (1), Наталья Кирилловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвѣнчался съ А. О. Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, ц. Прасковья разрѣшилась отъ бремени — дочерью. Рано утромъ благовѣсть Успенскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти стѣхались, пришлоъ царь — и патриархъ отслужилъ молебенъ.

Въ помедѣльникъ, 25 марта, новорожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ *Марьи*; службу совершалъ Патриархъ; восприемниками были — царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Последній фактъ, какъ повидимому ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему восприемницей не была Софья Алексѣевна? Была ли она недовольна рожденіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишняя природнаго ума и прозорливости, провидѣвъ будущую участь правительницы, занесивала въ Петрѣ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради рожденія Марьи, въ четвергъ 18 апрѣля, въ Грановитой палатѣ вмѣстѣ съ Патриархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣли по чину, слушали чтеніе патриаршаго канархиста, а послѣ стола, «отдѣйствовавъ Прочистую, пили заздравныя чаши» (2).

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовала мужа рожденіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 іюня 1690 года родилась царевна, 20 числа ее крестилъ именемъ *Федосьи* архимандритъ Чудова монастыря; восприемниками были Петръ и ц. Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи ради рожденія, 4 іюля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ заздравную чашу съ духовенствомъ (3).

29 октября 1692 года рано по утру Прасковья родила новую царевну; съ радостною вѣстью поспѣшилъ къ патриарху бояринъ Федоръ Петровичъ Салтыковъ; святѣйшій послѣ благовѣсту служилъ литургію и дарилъ посланнаго. Во второмъ часу по-полудни прѣхалъ изъ Преображенскаго Петръ, и государи многолѣтіе пѣли и знаменовались. 8 ноября прежніе восприемники были при крещеніи царевны *Катерины* въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ (4).

(1) Голликовъ, изд. 2, т. I, с. 49. — *Федодзи* с. 66, 71.

(2) Др. Рос. Вивліюф, изд. второе, ч. 11, с. 182—183.

(3) Др. Рос. Вивліюф, изд. второе, т. XI, с. 186—187.

(4) Тамъ же с. 188—189.

28 янв. 1693 года родилась царевна *Анна*; въ слѣдующемъ 1694 году 24 сентября царица разрѣшилась послѣдней дочерью: то была царевна *Прасковья*.

Такая плодовитость благовѣрной супруги радовала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце больного претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марьи и Федосьи (сконч. 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать ⁽¹⁾.

Супруги и послѣ паденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ по скорби главы, Прасковья по ежегодной беремености ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли отъ имени юнаго еще Петра его родственники и совѣтники, какъ Русскіе, такъ и иноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ царедворцевъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, наконецъ участвовалъ въ торжественныхъ приемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ г. Устряловымъ въ томъ, что Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата ⁽²⁾. По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранить отъ правленія «засорное лицо» — Софью ⁽³⁾.

Что Петръ не заявлялъ брату глубокаго уваженія, видно ужъ изъ того, что при крещеніи обоихъ сыновей его, Алексѣя Петровича 23 февр. 1690 г. и Александра Петровича 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичъ не былъ приглашонъ въ восприемники. Въ первый разъ былъ восприемникомъ Патріархъ Іоакимъ съ царицей Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкій съ царевной Натальей ⁽⁴⁾.

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у ц. Прасковьи вовсе не доказывало, что злоровье ея мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тридцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, но уже

(1) Тамъ же с. 203—204, 210—211, 236, 240.

(2) Истор. Петр. Вел. 1858, т II, с. 264, 265.

(3) Тамъ же — 77, 408. — У Голикова см. разглагольствованія «о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ», т. I. с. 92—93, 255.

(4) Ар. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 184 и 188.

таилъ се въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на іорданъ, устроенную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія ⁽¹⁾; царь былъ съ непокрытой головой, промочилъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ; 26 января въ день именинъ сестры своей, царевны Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви Іоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычныя поздравленія, жаловалъ ближнихъ людей фряжскими винами, а стрѣльцкихъ полковниковъ и гостей водкою, а чрезъ три дня его ужъ не стало: онъ умеръ скоропостижно ⁽²⁾ 29 января 1696 года, въ-третьемъ часу по-полудни.

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцевъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Ѳедора, позади перваго столба на лѣвой сторонѣ.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Ѳедоръ Салтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

II

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Прасковья осталась съ тремя малютками, но печалей и заботъ ей не предстало много. Петръ оказывалъ невѣсткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовлетворенія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе В. А. Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто жительства. Невѣстка, какъ владѣтельница села Измайлова, выбрала его своею резиденціею.

Эта старинная подмосковная вотчина дома Романовыхъ состояла изъ села, дворцовыхъ зданій съ двумя церквами и звѣринца съ садами, прудами и мельницами.

Царица-помѣщица занимала громадный, по тому времени, дворецъ; онъ былъ на острову, окруженный прудами и рѣчкой Сереб-

(1) Желлбужскій, с. 61.

(2) *Туманскій*, Рос. Магаз. III, с. 77—89 дворц. записки. Дневн. *Гордона*. — *Желлбужскій*, изд. 1840, с. 63—279. *Др. Р. Висл.* ч. 11, стр. 228.

ровкою; въ длину дворець вытягивался на 122 саж., въ ширину на 84 саж., съ двухъ сторонъ готическія башни служили воротами на широкій дворъ; голландскіе часы съ курантами украшали одинъ изъ вѣздовъ. Покои были въ одно жильё, маленькіе, низменные, со сводами и съ толстыми рѣшотками въ окнахъ. Въ нихъ размѣщались сотни челядинцевъ, составлявшихъ дворъ и свиту царицы; тутъ же были кладовыя, поварни, медоварни и винныя погреба. На южной сторонѣ дворца вадстроены были огромныя брусчатыя хоромы съ теремами. Онѣ примыкали къ двухъэтажной дворцовой церквѣ, въ которой на хорахъ обыкновенно ставвала царица и царевны.

У дворца, на холмѣ, подымался памятникъ благочестія царя Алексѣя, величественный каменный соборъ о пяти главахъ, крытый гонтомъ, съ высокими крыльцами и окнами съ слюдяными оковницами; у подошвы холма колокольня или вѣрвѣе башня съ подъѣзными воротами и тутъ же на Серебровскомъ пруду была каменная мельница Серобриха; башня славна была тѣмъ, что въ ея средней палатѣ нѣкогда съѣзжалась царская дума; здѣсь былъ сулъ и расправа, и неподалоку, близъ стараго звѣринца, у съѣзжей избы стояла висѣлица; нечего и говорить, что при новой помѣщицѣ великій Петръ часто посѣщалъ Измайлово и висѣлица не была праздна...

Вся обстановка Измайлова была чисто царская, со всеми возможными удобствами, даже роскошью. Кромѣ названнаго дворца, на берегу Серебровки были еще деревянныя хоромы; подлѣ нихъ разбиты были регулярный и виноградный сады; кромѣ того, въ звѣринцѣ были сады съ прудомъ, на которомъ водились царскія птицы — лебеди.

Сады были богаты всякаго рода растеніями: фруктовыми деревьями, цѣлебными травами и кореньями. На птичьемъ дворѣ, кромѣ лебедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія куры, утки; на скотномъ дворѣ насчитывались сотни головъ домашняго скота. Въ старомъ дворцовомъ звѣринцѣ были олени, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки и проч.

Было гдѣ погулять, побѣгать и поиграть подроставшимъ царенкамъ: всюду онѣ встрѣчали просторъ, раздолье, полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ. Маменька жила зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства: всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ихъ услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло,

вполнѣ соответствено развитію и потребностямъ измайловскихъ обитательницъ.

За царевнами ухаживало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ тѣнистыхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянный заводъ, славный своими издѣльями; молились по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками и съивали рыбъ на кормъ по колокольчику. Подрастая, онѣ привыкали въ теремахъ своихъ къ питью и вышиванью шолкомъ и золотомъ, но руководѣе не далось имъ; покрайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій, чтобъ кака-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей въ этомъ дѣлѣ.

Церковный праздникъ и царскій день ознаменовывался стогомъ крестьянъ и крестьянокъ на широкій дворъ для собственнаго веселья и для забавы помѣщицы съ ол чадами: выставлялось пиво, вино, заводились хорооды, сбѣгались толпы мальчишекъ — и царевны раздавали имъ пряники, куски избойны маковой, денешки и полущки (1)...

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не помѣшаетъ намъ перевернуть медаль — заглянуть и на черную сторону того же патріархальнаго быта, гдѣ самоуправство и жестокость каали столь густыя тѣни и не на такіа лица, какова была Прасковья...

Но эту сторону ея характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы приравниваться къ обстоятельствамъ. Являя приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни (2).

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлали царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшалась вполнѣ отъ святой для нея старины, она въ тоже время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желанія сохранить расположеніе мо-

(1) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ. М. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, ст. А. *Малюковскаго* въ Землед. Журналѣ. М. 1824, № II. — Также Русс. Старина, М. ч. 4.

(2) Устр. т. III, с. 156,

варха. Такъ, дѣло первой важности — воспитаніе дѣтей своихъ она поручила иноземцамъ: при дочеряхъ ея въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка и гувернера рано является заѣзжіи нѣмецъ, Іоганъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго впоследствии кабинетъ-министра ⁽¹⁾ Но это близкое родство съ человекомъ замѣчательнымъ не отразилось на умѣ Іогана Христофора. Это былъ нѣмецъ бездарный, ни къ чему неспособный ⁽²⁾. Петръ не употребилъ его къ какому-либо важному дѣлу, и даже Андрей Остерманъ, при всемъ своемъ значеніи, не находилъ возможнымъ дать ходъ Іогану. «Старшій Остерманъ, такъ отзывались люди, близко его знавшіе, былъ величайшій глупецъ, что не мѣшало ему однако считать себя человекомъ съ большими способностями, вслѣдствіе чего онъ всегда говорилъ загадками. Жилъ онъ оченъ уединенно и не пользовался уваженіемъ ⁽³⁾.»

Но онъ былъ нѣмецъ, нѣмецъ молчаливый, важный, преисполненный сознаніемъ собственнаго достоинства; нѣмцы были въ ходу, нѣмцы были въ силѣ, нѣмцы считались воспитателями наследника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтобы вручить воспитаніе дочерей Іогану. На сколько въ немъ было педагогическихкихъ способностей, Прасковья не могла звать, а Петръ, не успѣвавшій приглядѣть за обученіемъ собственнаго сына, не имѣлъ времени полюбопытствовать о воспитаніи племянницъ. Пря нихъ былъ нѣмецъ: мать и дядя, а болѣе всего самъ наставникъ, были спокойны и довольны.

Но кромѣ нѣмца, для полнаго развитія дочерей необходимъ былъ французъ, и царица позаботилась принаять въ 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обѣщано 300 руб. въ годъ съ тѣмъ, что бы онъ всѣхъ трехъ царевенъ «танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго». За аккуратное вознагражденіе учителя поручился Остерманъ.

Новый наставникъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его писемъ, зналъ французскій языкъ довольно плохо, но это не мѣшало ему обучать царевенъ втеченіе пяти лѣтъ, до 1708 года. «Зачало и

⁽¹⁾ Генрихъ-Іоганъ-Фридрихъ Остерманъ былъ представленъ царицѣ своимъ братомъ педагогомъ. — Какъ тебя зовутъ? спросила Прасковья. — Генрихъ, отвѣчалъ нѣмецъ, сынъ Ивана. — И такъ, продолжала Прасковья, ты долженъ называться Андреемъ Ивановичемъ.

⁽²⁾ Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 83—85.

⁽³⁾ Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même. Paris, 1788.